

ОТ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ДЕРЖАВЫ К МИРОВОЙ: трансформация внешней политики Германской империи

С. А. Филин

Аннотация. Данная статья посвящена переходу Германской империи к «мировой политике» («Weltpolitik») в конце XIX – начале XX века. Автор рассматриваются ключевые факторы и мотивы, способствовавшие этому процессу, анализируется влияние стремительного экономического роста и промышленного развития на внешнеполитические амбиции Германии, подчеркивая важность колониальной экспансии и стремление к усилению международного престижа. В статье подробно рассматривается роль императора Вильгельма II и канцлера Бернгарда фон Бюлова, а также их влияние на формирование и реализацию «мировой политики». Значительное внимание уделено строительству военно-морского флота, который в рассматриваемый период считался колониальными державами необходимым инструментом для защиты своих заокеанских интересов и усиления позиций Германии на международной арене. Автор также анализирует ключевые дипломатические и военные эпизоды в таких регионах как Китай, Самоа и Марокко, которые являлись частью германской стратегии расширения своего влияния. Статья демонстрирует, как «мировая политика» стала важнейшим элементом германской внешней политики в этот период, существенно изменив её роль на мировой арене.

Ключевые слова: Германская империя, мировая политика, Китай, Марокко, военно-морской флот.

Для цитирования: Филин С.А. От континентальной державы к мировой: трансформация внешней политики Германской империи // Преподаватель XXI век. 2024. № 4. Часть 2. С. 371–381. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-4-371-381

371

FROM CONTINENTAL TO WORLD POWER: Transformation of the German Empire's Foreign Policy

S.A. Filin

Abstract. The article deals with the transition of the German Empire to “world politics” (“Weltpolitik”) in the late 19th – early 20th centuries. The author considers the key factors and motives that contributed to this process, analyzes the impact of rapid economic growth and industrial development on Germany's foreign policy ambitions, emphasizing the importance of colonial expansion and the desire to enhance international prestige. The

© Филин С.А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

article elaborates on the role of Emperor Wilhelm II and Chancellor Bernhard von Bülow and their influence on the formation and realization of “world politics”. Considerable attention is paid to the construction of the navy, which in the reviewed period was considered by the colonial powers as a necessary tool to protect their overseas interests and strengthen Germany's position in the international arena. The author also analyzes key diplomatic and military episodes in regions such as China, Samoa and Morocco, which were part of the German strategy to expand its influence. The article demonstrates on how “world politics” became a crucial element of German foreign policy during this period, significantly changing its role in the global arena.

Keywords: German Empire, World Politics, China, Morocco, Navy.

Cite as: Filin S.A. From Continental to World Power: Transformation of the German Empire's Foreign Policy. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2024, No. 4, part 2, pp. 371–381. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-4-371-381

После победы в войне с Францией в 1871 г. Германская империя поставила перед собой цель занять лидирующие позиции в Европе. Учитывая сильную и единую страну, объединенную после долгих лет раздробленности и слабости, а также введение промышленной революции с ее последующим производственным и коммерческим подъемом, дополненным военной контрибуцией от Франции — все это способствовало созданию благоприятных условий для будущей империалистической политики.

Ни в одной стране развивающаяся промышленность не принесла столь богатые и обильные плоды так быстро, как в Германии. Стремительный промышленный скачок за время одного поколения превратил аграрную страну во вторую индустриальную нацию Европы. Так, за период с 1890 по 1910 г. производство стали в Германии росло в семь раз быстрее, чем в Англии; за сорок лет ее внешняя торговля увеличилась в пять раз; ее сельское население упало с шестидесяти трех процентов до тридцати трех процентов; а число ее городов с населением более ста тысяч человек выросло с восьми до сорока восьми [1, р. 176]. Это позволило стране в 1880-е гг. выйти на международную арену как новая колониальная держава и громко заявить о себе приобретениями сразу в нескольких частях света.

Стоит отметить, что в сравнительном плане процесс приобретения колоний Германской империей отличался от подхода, например, Франции. Колонии основывались после инициатив частных лиц, которые просили взять новые территории под защиту империи, в то время как большинство колониальных держав проводили силовое завоевание территорий и действовали без посредников. К 1896 г. Германская империя владела колониями в Африке и Океании, которые уступали по размерам только таким колониальным державам как Англия и Франция. 18 января 1896 г. император Вильгельм II, выступая на праздничном банкете по случаю 25-летия со дня провозглашения Германской империи, обратился к Колониальному обществу: «Германская империя стала мировой империей. Повсюду в далеких уголках Земли проживают тысячи наших соотечественников. На вас, господа, возлагается серьезная обязанность помочь мне прочно связать эту большую Германскую империю с нашей родиной» [2, S. 104]. После 1896 года стал очевидным переход положения Германии от главной державы в континентальной Европе к видной мировой державе. Два фактора были главным образом

ответственны за этот переход: быстрый и поразительный экономический рост нации и амбициозная внешняя политика кайзера Вильгельма II. Кайзер стремился приобрести больше колониальных владений, чтобы трансформировать европейскую гегемонию Германии в мировую державу.

Именно со второй половины 1890-х гг., начиная с канцлерства Хлодвиг Гогенлоэ-Шиллингсфюрста, набирала свою силу идея об особом пути Германии не только в европейском, но и в мировом развитии, а также об особенностях всей немецкой нации. После заключения Тройственного союза Германия могла считать себя ведущей и центральной державой в Европе, особенно учитывая свое положение на карте. Продолжались споры о целесообразности заключения союза с Англией, ввиду того, что это могло бы исключить захват новых колоний. Именно сторонники колониальной экспансии выступали против такого альянса. Бернгард фон Бюлов, еще в качестве статс-секретаря по иностранным делам Германии, отмечал, что «Англия могла бы отнять у Германии колонии, разрушить их судоходство и торговлю и тем самым уничтожить миллиардные ценности» [3, с. 57]. Такие опасения были вызваны тем, что постепенно происходил отход от идеи союза с Англией, что означало решительный разрыв с бисмарковской традицией осторожной дипломатии.

Ранее в 1893 г. посол Германии в Лондоне Хацфельдт в ходе переговоров с министром иностранных дел Англии Арчибалдом Филиппом Примроузом отметил, что «Германия будет чувствовать себя обязанной проявлять большую сдержанность в своем общем отношении к Англии, если она не примет иное отношение к колониальным интересам Германии» [4, S. 397–402]. Соперничество и споры с Англией возникали как в экономической сфере, так и во внешнеполитической, как, например, в период Англо-бурской войны [5, с. 169–183]. Однако основным противником в Европе для Германии оставалась Франция. Обе страны понимали неизбежность новой войны, что усиливало ненависть друг к другу среди населения обеих держав. Бюлов вообще называл французов «самым тщеславным, милитаристским и самым шовинистическим из всех европейских народов» [3, с. 39]. Существовали и колониальные споры, которые лишь усиливали франко-германское противостояние.

Для самого императора Вильгельма II после Бисмарка необходимы были те, кто будет полностью поддерживать его замыслы. В лице Бюлова и Тирпица Вильгельм видел тех, кто может и готов воплотить его мечты в жизнь. Достаточно сказать, что Бюлов рекомендовал себя как «будущего начальника штаба Вильгельма» [6, р. 301].

Однако с трудом можно утверждать, что Бюлов даже в первые годы своего правления был чем-то большим, чем просто инструментом Вильгельма II, который послушно проводил политику последнего во всех отношениях. Бюлов с самого начала был убежден, что, обратившись к националистическим эмоциям буржуазных классов, можно снова стабилизировать политическую структуру, и он умело решил сделать это, запустив амбициозную империалистическую программу. Император стал главным представителем этого нового националистического империализма не только потому, что политическая позиция Бюлова во многом зависела от Вильгельма, но, в частности, потому, что канцлер надеялся использовать имперскую идею во внутренней политике. «Мировая политика», символической фигурой которой был император, должна была сплотить буржуазные классы вокруг правительства.

Первоначально эта стратегия была довольно успешной: призыв к национальному единству и отвлечение внимания общественности к зарубежной политике, напрямую

затрагивающей авторитет короны, в некоторой степени стабилизировали политическую систему. Буржуазным партиям теперь стало гораздо труднее противостоять политике правительства. Кроме того, в 1890-е гг. появляется новое политическое движение — Пангерманский союз (Alldeutscher Verband). Пангерманцы сочетали требования укрепления немецкого национального сознания с этническими и империалистическими целями. Выросшие из движений протеста против «Гельголандско-Занзибарского договора» 1890 г., который они считали невыгодным для Германского рейха, члены союза, выходцы в основном из дворянства, высшей собственности и образованного среднего класса, решительно поддерживали расширение немецкого влияния и жизненного пространства, империалистическую колониальную политику. Чтобы утвердить международное положение Германии, они также пропагандировали агрессивный национализм и пропаганду «немецкости» за рубежом.

Знаменитая фраза о «месте под солнцем» для Германии, которая была произнесена Бюловым еще до его канцлерства, в будущем стала самым настоящим политическим лозунгом, и повторялась на заседаниях парламента: «Времена, когда немец предоставлял одному своему соседу землю, другому — море, а за собой оставлял небо, эти времена прошли..., мы не хотим никого ставить в тень, но мы хотим и свое место под солнцем» [7, S. 7–8]. Такие лозунги могли означать то, что Германия не должна ограничиваться Европой, а должна сравниться по влиянию с такими мировыми державами как Англия и Франция, которые в колониальном плане оставляли Германию далеко позади. Однако стоит отметить, что в историографии существует противоположный взгляд на теорию Фишера о явной агрессии Германии и ее вине в начале Первой мировой войны — когда цитируют известное высказывание рейхсканцлера о претензиях Германии на «место под солнцем», то, забываят о начальных словах этой фразы: «Мы не хотим никого оттеснить в тень» [9, с. 105].

Рассуждая о том, что лично он понимает под «мировой политикой», Бюлов объяснял, что под этим подразумевается прежде всего «осуществление и развитие задач, которые ставят нам развитие и рост нашей промышленности, торговли и судоходства. Мы не можем тормозить нарастания наших заокеанских интересов. Мы совершенно не ведем наступательной политики, не думаем об экспансии. Мы намерены защищать только серьезные интересы, которые приобретены нами естественным ходом вещей во всех частях света. Мы далеки от наступательных тенденций, мы не собираемся вести авантюристскую и фантастическую политику. Мы хотим только иметь возможность и в будущем мирно развиваться в экономическом и политическом отношении» [3, с. 180].

Такая политика означала защиту колоний, их жителей, а также торговли по всему миру. Это не могло быть обеспечено без военно-морского флота, необходимость строительства которого постоянно росла. После принятия должности в качестве статс-секретаря ведомства иностранных дел, Бюлов назвал строительство военно-морского флота способом «защиты и сохранения нашей безопасности» [3, с. 36]. В марте 1897 г. колониальная пресса распространяла слова канцлера Гогенлоэ-Шиллингсфюрста, который заявлял, что империи нужен мощный флот, способный давать отпор возможным врагам и который сможет поддерживать мир в долгосрочной перспективе [9, S. 122–123].

Одним из проектов по реализации «мировой политики» Германской империи стал Китай. Во многом это было связано с японо-китайской войной 1894–1895 гг., после которой Германия империя получила возможность вторгнуться в Китай и участвовать в разделе китайских незамерзающих портов, тем самым начав расширение сферы

своего влияние в этом регионе. Однако мнения в германском правительстве разделились. Нельзя сказать, что Германия извлекла для себя большую выгоду: за 1895–1896 гг. империя получила лишь две концессии и возможность предоставить займа китайскому правительству совместно с Англией.

Бюлов уделял большое внимание китайскому вопросу, и в качестве одной из важнейших задач внешней политики указал необходимость «потребовать, чтобы немецкий миссионер и немецкий предприниматель, немецкие товары, немецкий флаг и немецкий корабль уважались в Китае так же, как и другие державы. Мы наконец-то готовы учитывать интересы других великих держав в Восточной Азии в надежном предвидении того, что наши собственные интересы также найдут должное им уважение» [7, S. 8].

В ноябре 1897 г., произошло убийство двух немецких миссионеров в Китае, что вынудило Германию действовать. Инцидент дал кайзеру предлог для столь долгожданной возможности проникнуть в Китай. Характерна его телеграмма в министерство иностранных дел, в которой он заявлял, что он твердо намерен отказаться от сверхосторожной политики, которая уже считается слабой во всей Восточной Азии, и, наконец, показать китайцам со всей строгостью и, если необходимо, с самой жестокой беспощадностью, что германский кайзер не позволяет шутить с собой [10, S. 69]. В следующей телеграмме кайзер призывал к активным и решительным действиям: «Мы должны немедленно воспользоваться этой прекрасной возможностью, пока другое крупное государство не спровоцировало Китай или не пришло ему на помощь! Сейчас или никогда» [11, S. 69]. Комментирую эти события, Бюлов заявлял, что нельзя не реагировать на безжалостное убийство немецкого миссионера, не только из соображений внутренней политики и поддержания чести и престижа Германской империи, но также и с точки зрения интересов всей нации [3, с. 103].

После ввода военных кораблей и оккупации бухты Цзяочжоу, Китай был вынужден заключить договор с Германской империей. После того как к противостоянию с Китаем присоединились и другие крупные державы, были заключены так называемые «Неравные договоры». Согласно Германо-китайскому договору, заключенному 6 марта 1898 г., Китай отдавал Цзяо-Чжоу с портом Циндао в аренду Германии на 99 лет. Положение этого порта было оптимальным для потенциального дальнейшего распространения своего влияния не только в Китае, но и во всей Восточной Азии, что означало огромный успех всей колониальной политики.

К концу XIX в. оставалось не так много территорий, которые еще не были заняты европейскими колониальными державами. На один из таких регионов было обращено внимание как Германии, так и Англии. Спор возник за архипелаг Самоа в Полинезии, которая являлась частью Океании. Сложность была в том, что там уже несколько десятилетий находились немецкие плантации, в то время как Англия желала присоединить эти территории к своим уже имеющимся колониям в Океании. Кроме того, существовали интересы Соединенных Штатов Америки, желавших оставить Самоа независимым от любых держав. Из этой запутанной ситуации возникло два решения: Германия уступила свои интересы на островах Англии в обмен на компенсации в других местах; или Англия уступит главный остров Ополу Германии, получив, в свою очередь, компенсацию от других соседних островов Германии.

Компенсации Германии были одобрены большинством Колониального совета, и на этой основе было достигнуто предварительное урегулирование. Германия должна

была передать свои права на Самоа Англии в обмен на Соломоновы острова и часть Золотого Берега. Но фон Бюлов и кайзер столкнулись с оппозицией в лице фон Тирпица, который предвидел растущее стратегическое значение Самоа [12, S. 660–662]. Адмиралу удалось вызвать в Германии сильное общественное мнение против этого соглашения. Однако начавшаяся в Южной Африке война с бурами заставила Англию идти на уступки. В ноябре 1899 г. был заключен договор, по которому Германия получила острова Ополу и Савай, США — острова Тугиула, в то время как Англия отказывалась от претензий на эти территории [13, S. 226]. Таким образом, удалось мирным способом решить колониальный спор двух сильных колониальных держав, в котором все отстаивали свои интересы и не желали терять престиж и влияние.

На этом заканчивался процесс приобретения новых колоний, что требовало действий по закреплению в этих регионах и укреплению своей власти на местном населении. Для успешного управления и защиты колоний по всему миру необходимо было укреплять свои позиции в регионах путем строительства опорных военно-морских баз. Во время спуска нового корабля в Штеттине Бюлов заявил: «Германия, вверившая морю огромные цепкости, уже переставшая быть чисто континентальным народом в центре Европы и стоящая в первых рядах конкуренции, должна быть сильной и на море» [3, S. 193]. Если раньше Германия, а до нее Пруссия, прилагала мало усилий для приобретения владений за морем, то теперь она идет противоположным путем и, таким образом, также вступает в конкуренцию с ведущими колониальными державами Англией и Францией, будь то в Африке или Азии. Одной из важных причин такой переориентации внешней политики является ускоренное строительство флота, начавшееся в 1898–1900 гг. с основанием Немецкой флотской ассоциации и первыми законами о флоте. Ключевым здесь становится не столько само усиление немецкого военно-морского флота, а скорее то, что это было решено без предварительной дипломатической подготовки и соглашения с ведущей военно-морской державой – Великобританией. В рамках мировой политики («Weltpolitik») изучались возможности создания цепи военно-морских баз по всему миру. Эта цепь включала бы существующую часть немецких колоний, но также касалась бы новых точек в областях, которые считались либо стратегически важными, либо необходимыми для престижа.

Таким образом, Германская империя к началу XX в. вошла в число самых влиятельных колониальных держав, учитывая наличие колоний в разных частях света, а также сильную армию и цели по строительству флота, способного соперничать с английскими военно-морскими силами. Одним из таких регионов стало Марокко, на которую, помимо Германии, претендовали Франция и Испания. В ходе первого Марокканского кризиса Император Вильгельм лично посещал марокканский город Танжер, где объявил: «Я надеюсь, что под суверенной властью султана свободное Марокко останется открытым для мирного соперничества всех наций, без каких-либо монополий и аннексий, на началах полного равенства. Моя поездка в Танжер имеет целью показать, что я исполнен решимости использовать все имеющиеся в моем распоряжении силы, для того чтобы с успехом защищать интересы Германии в Марокко» [14, с. 155]. Министр-резидент Российской империи в Танжере Д.С.С. Бахерахт писал в Санкт-Петербург о визите императора Вильгельма и отмечал, что у него «выдалось впечатление, что Державный Путешественник (Вильгельм II. — С.Ф.) имел в виду оказать некоторую нравственную поддержку марокканцам в их усилиях противостоять французским захватами и заявить, вместе с тем

о твердой решимости Германии настаивать на соблюдении принципа «открытых дверей» в Марокко как в коммерческом, так и в экономическом отношении» [15, л. 7].

В ходе последующей мирной конференции был принят суверенитет султана Марокко, однако Германию не устраивала статья соглашения о формировании полиции под руководством Франции и Испании [16, с. 350], что означало усиление их влияния в регионе. Д.С.С. Бахерахт отмечал желание Германии добиться в Марокко того положения покровительницы-эксплуататорши, какое она так успешно занимает в Турции [17, л. 10].

Дальнейшие попытки примирить экономические интересы Германии и Франции, предпринятые в 1909 и 1910 годах, потерпели неудачу. Препятствием являлись не правительства стран, которые старались идти на компромисс, а скорее общественное мнение, ревность французской колониальной партии и высокие требования пангерманцев.

Решающий перелом наступил в феврале 1911 года. Предлог для полного подчинения Марокко Францией нашелся легко. В это время вспыхнуло восстание против правления султана Мулей Хасида. Это событие не было чем-то удивительным, учитывая ежегодные подобные восстания, но французское правительство объявило, что оно должно вмешаться. Не встречая никакого сопротивления, французы заняли наиболее важные места в стране. Затем испанцы поспешили конфисковать часть Марокко, на которую они претендовали по секретному договору от 4 октября 1904 г. [18].

Тем временем в Берлине чувствовали, что Германия ждала достаточно долго. Прошло пять недель с тех пор, как французы вошли в столицу — Фес, и, по выражению государственного секретаря и главы министерства иностранных дел Альфреда фон Кидерлен-Вехтера, они расплзались, как масляное пятно [19, S. 24]. В правительстве обговаривалось, что пришло время показать французам мощь Германии. Рассматривались различные меры, пока правительство по совету государственного секретаря не остановило свой выбор на том, что было названо Агадирской забастовкой.

1 июля 1911 г. немецкая канонерская лодка «Пантера» появилась у западного побережья Марокко и вошла в порт Агадира. По замыслу берлинского кабинета, ее появление должно было привлечь внимание европейских стран к сложившейся ситуации. Вскоре «Пантера» сменилась малым крейсером «Берлин». В самом начале правительство официально объявило, что мера направлена исключительно на защиту жизни и безопасности немцев, проживающих в этот регион. Это был только предлог, но скорее военный корабль был использован для того, чтобы показать, что Германия была готова использовать оружие для гарантии того, что она получит выгоду от этой ситуации.

В колониальных газетах сразу после отправки флота к берегам Марокко начали выходить заявления о защите интересов Германии в Северной Африке: «Сейчас настало время правительству Германии позаботиться о том, чтобы наши интересы не пострадали от хаоса, вызванного виной французов» [20, S. 456]. Во всей Германии кризис в Марокко рассматривалось как неизбежная война в самое ближайшее время. Считалось, что уступки и поражение в этом споре нанесут колоссальный удар по престижу империи. Макс Вебер разделял патриотические настроения немецкого народа и видел войну как возможность для Германии утвердить себя как великую державу (Grossmacht). Позже, уже в начале Первой мировой войны, действия империи сопровождались мощным националистическим подъемом, который Вебер и многие влиятельные фигуры поддерживали [21, с. 137–138].

Члены «Пангерманского союза» особенно остро ощущали потенциальную неудачу Германской империи в ходе кризиса в Марокко, который многими считался настоящим

поражением и даже национальным унижением. Пауль Рорбах в своих записях отмечал важность Марокко для империи: «допустить Германию в качестве соседа в Марокко французы согласились бы только после проигранной войны: если мы там укрепимся, то мы будем в состоянии снабжать марокканцев, алжирцев, сенегальцев и других подчиненных французам народов оружием, деньгами и вождями, в любой момент, когда нам вздумается, вызывать беспорядки во всей колониальной империи французов в Северной Африке и в благоприятный момент поднять в ней восстание» [22, с. 45].

Рассматривались и другие варианты по расширению своих территорий в Африке, одним из которых мог стать отказ от Марокко, но с компенсацией в виде территории французского Конго. Однако даже такие крупные территории не были восприняты как победа в германском обществе, и в прессе в том числе: «В течение некоторого времени рассматривалась возможность того, что мы будем выступать против отказа от немецких притязаний в Марокко в другом месте. В этом контексте обсуждалось приятное округление нашей охраняемой территории Камеруна. Скажу честно: мы не очень любим такие бартерные сделки» [20, S. 456]. Безусловно, мнения, выражаемые в колониальных газетах и пангерманистами нельзя считать однозначно объективными ввиду их идеологической позиции, однако и трактовать последующее решение по Марокко как полное поражение Германии тоже нельзя.

4 ноября 1911 г. Германия и Франция пошли на уступки друг другу и между сторонами было подписано Марокканское соглашение, в котором заявлялось, что «имперское германское правительство заявляет, что, поскольку оно имеет в Марокко только экономические интересы, оно не будет препятствовать Франции в оказании помощи марокканскому правительству в проведении всех тех административных, судебных, экономических, финансовых и военных реформ, которые необходимы для хорошего управления империей» [23, S. 227–228]. Германия требовала от Франции территориальную компенсацию в виде части французского Конго. В конце концов, стороны сошлись на передаче Германии части территорий в Конго в качестве платы за отказ от всех притязаний на Марокко. 3 октября 1912 г. был издан императорский указ об объединении новых территорий в Экваториальной Африке с территориями колонии Камеруна [24, S. 379]. Можно сказать, что такой результат устраивал правительство Германской империи, учитывая проекты по созданию единой германской «Срединной Африки» (“Mittelafrika”), в которую вошли бы все германские колонии на континенте. Центром такого проекта должны были стать не только территории французского Конго, но и потенциальное бельгийское Конго. Говоря о марокканском кризисе, Б. Бюлов с горечью отмечал, что Германия «жалобно забила отбой и выкинула белый флаг» [3, с. 405].

Таким образом, переход Германской империи к «мировой политике» стал важным этапом в ее истории, определившим внешнеполитический курс государства вплоть до Первой мировой войны. Стремление к усилению своего влияния на международной арене, подкрепленное развитием экономики, колониальной экспансией и строительством мощного военно-морского флота, превратило Германию в одного из ключевых игроков глобальной политики. Однако амбиции кайзера Вильгельма II, а также рост националистических настроений внутри страны создали условия для обострения международных конфликтов, которые в конечном итоге привели к началу мировой войны, в результате которой империя распалась, а все колонии были переданы странам-победительницам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Townsend, M. E.* The rise and fall of Germany's colonial empire, 1884–1918. New York, 1930. 424 p.
2. Die deutsche Kolonialgesellschaft 1882–1907. Im Auftrage des Ausschusses der Deutschen Kolonialgesellschaft dargestellt. Berlin: Heimer, 1908. 231 s.
3. *Бюлов, Б.* Воспоминания / под ред. и с пред. В.М. Хвостова. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. 563 с.
4. Der Botschafter in London Graf von Hatzfeldt an den Reichskanzler Grafen von Caprivi // Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914, im Auftrage des Auswärtigen Amtes. Band 8. Berlin, Deutsche Verlagsgesellschaft für politik und geschichte, 1924. S. 397–402.
5. *Хальгартен, Г.* Германский империализм до 1914 года; пер. с нем. А. Галкина, Е. Гнедина, О. Накропина, М. Соколова и И. Шрайбера. М.: Издательство иностранной литературы, 1941. 695 с.
6. *Mommsen, W.J.* Kaiser Wilhelm II and German Politics // Journal of Contemporary History. Vol. 25. No. 2/3 (May – Jun., 1990), pp. 289–316.
7. *Bulow, B.* Reden nebst urkundlichen Beiträgen zu seiner Politik / gesammelt und herausgegeben von Johannes Penzer. Berlin: Verlag von Georg Reimer, 1907. 523 S.
8. *Филитов, А.М.* История Первой мировой войны в современном международном дискурсе: традиционные дискуссии, новые темы, «белые пятна» // Российская история. 2017. № 4. С. 103–122.
9. Deutsche Kolonialzeitung: Organ der Deutschen Kolonialgesellschaft. 1897. 27 März. S. 121–130.
10. Kaiser Wilhelm II an das Auswärtige Amt // Die Große Politik der Europäischen Kabinette: Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Im Auftrage des Auswärtigen Amtes. Band. 14. Erste Hälfte. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1924. S. 67.
11. Kaiser Wilhelm II an den Reichskanzler Fürsten von Hohenlohe // Die Große Politik der Europäischen Kabinette: Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Im Auftrage des Auswärtigen Amtes. Band. 14. Erste Hälfte. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1924. S. 69.
12. Der Staatssekretär des Reichsmarineamts von Tirpitz an den Staatssekretär des Auswärtigen Amtes Grafen von Bülow // Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914, im Auftrage des Auswärtigen Amtes. Band 14. Zweite Hälfte. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1924. S. 660–662.
13. Deutsch-Amerikanisch-Englisches Abkommen, betreffend Samoa vom 02.12.1899 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. Brühl/Wesseling 2. berichtigte Aufl, 2008. S. 226.
14. Из речи Вильгельма II в Танжере 31 марта 1905 г. // Международные отношения 1870–1918 гг. М.: Издание Академии Красной армии имени В.И. Ленина, 1940. С. 155.
15. Донесение Д.С.С. Бахерахта из Танжера от 19 марта 1905 г. № 132 // Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 167 Посольство в Берлине. Оп. 509/1. Д. 4632. Л. 7.
16. Генеральный акт Алхесирасской конференции по Марокканским делам, заключенный 25 марта (7 апреля) 1906 года // Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М.: Политиздат, 1952. С. 345–385.
17. Донесение Д.С.С. Бахерахта из Танжера от 30 марта 1905 г. № 132 // АВПРИ. Ф. 167 Посольство в Берлине. Оп. 509/1. Д. 4632. Л. 10.

18. Espagne et France. Accord secret relatif au Maroc, signe a Paris le 3 octobre 1904 // Digithèque de matériaux juridiques et politiques. URL: <https://mjp.univ-perp.fr/constit/ma1904.htm> (дата обращения: 12.09.2024).
19. Friedjung, H. Das Zeitalter des Imperialismus 1884–1914. Berlin: Verlag Neufeld & Henius, 1919. 472 S.
20. Deutsche Kolonialzeitung: Organ der Deutschen Kolonialgesellschaft. 1911. 8 Juli. 455–470 S.
21. Ростиславлева, Н.В. Макс Вебер в годы Первой мировой войны // Вестник РГГУ. 2017. № 13 (135). С. 136–145.
22. Рорбах, П. Война и германская политика / с пред. проф. Котляревского. М.: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1915. 107 с.
23. Vertrag zwischen Frankreich und dem Deutschen Reich vom 04.11.1911 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. Brühl/Wesseling 2. berichtigte Aufl, 2008. S. 227–228.
24. Kaiserlicher Erlass vom 03.10.1912 // Archiv des Deutschen Kolonialrechts. Brühl/Wesseling 2. berichtigte Aufl, 2008. S. 379.

REFERENCES

1. Townsend, M. E. *The rise and fall of Germany's colonial empire, 1884–1918*. New York, 1930, 424 p.
2. *Die deutsche Kolonialgesellschaft 1882–1907. Im Auftrage des Ausschusses der Deutschen Kolonialgesellschaft dargestellt*. Berlin: Heimer, 1908, 231 p.
3. Byulov, B. *Vospominaniya* [Memoirs], ed. and with a preface by V.M. Khvostov. Moscow, Gosudarstvennoye sotsialno-ekonomicheskoye izdatelstvo, 1935, 563 p. (in Russ.)
4. Der Botschafter in London Graf von Hatzfeldt an den Reichskanzler Grafen von Caprivi. In: *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914, im Auftrage des Auswärtigen Amtes. Band 8*. Berlin, Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1924, pp. 397–402.
5. Khalgarten, G. *Germanskiy imperializm do 1914 goda* [German Imperialism before 1914], translated from German by A. Galkin, E. Gnedin, O. Nakropin, M. Sokolov and I. Schreiber. Moscow, 1941, 695 p. (in Russ.)
6. Mommsen, W.J. Kaiser Wilhelm II and German Politics, *Journal of Contemporary History*, vol. 25, No. 2/3 (May – Jun., 1990), pp. 289–316.
7. Bulow, B. *Reden nebst urkundlichen Beiträgen zu seiner Politik*, gesammelt und herausgegeben von Johannes Penzer. Berlin, Verlag von Georg Reimer, 1907, 523 p.
8. Filitov A. M. Istoriya Pervoy mirovoy voyny v sovremennom mezhdunarodnom diskurse: traditsionnyye diskussii, novyye temy, “belye pyatna” [The History of the First World War in modern International Discourse: traditional discussions, New topics, “white spots”, *Rossiyskaya istoriya* = Russian History, 2017, No. 4, pp. 103–122. (in Russ.)
9. *Deutsche Kolonialzeitung: Organ der Deutschen Kolonialgesellschaft*. 1897. 27 März, pp. 121–130.
10. Kaiser Wilhelm II an das Auswärtige Amt. In: *Die Große Politik der Europäischen Kabinette: Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Im Auftrage des Auswärtigen Amtes. Band. 14. Erste Hälfte*. Berlin, Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1924, pp. 67.
11. Kaiser Wilhelm II an den Reichskanzler Fürsten von Hohenlohe. In: *Die Große Politik der Europäischen Kabinette: Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Im Auftrage des Auswärtigen Amtes. Band. 14. Erste Hälfte*. Berlin, Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1924, pp. 69.

12. Der Staatssekretär des Reichsmarineamts von Tirpitz an den Staatssekretär des Auswärtigen Amtes Grafen von Bülow. In: *Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914, im Auftrage des Auswärtigen Amtes*. Band 14. Zweite Hälfte. S. 660–662.
13. Deutsch-Amerikanisch-Englisches Abkommen, betreffend Samoa vom 02.12.1899. In: *Archiv des Deutschen Kolonialrechts*, Brühl/Wesseling, 2008, pp. 226.
14. Iz rechi Vilgelma II v Tanzhere 31 marta 1905 g. [From the speech of William II in Tangier on March 31, 1905. In: *Mezhdunarodnyye otnosheniya 1870–1918 gg.* [International relations 1870–1918]. Moscow, Izdaniye Akademii Krasnoy armii imeni V.I. Lenina, 1940, pp. 155. (in Russ.)
15. Doneseniye D.S.S. Bakherakhta iz Tanzhera ot 19 marta 1905 g. No. 132 [Report of D.S.S. Baherakht from Tangier dated March 19, 1905, No. 132]. In: *Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. F. 167 Embassy in Berlin, file 509/1, doc. 4632, sheet 7 (in Russ.)
16. Generalnyy akt Alkhesirasskoy konferentsii po Marokkanskim delam, zaklyuchenny 25 marta (7 aprelya) 1906 goda [General Act of the Algeiras Conference on Moroccan Affairs, concluded on March 25 (April 7), 1906]. In: *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami (1856–1917)* [Collection of treaties between Russia and other states (1856–1917)]. Moscow, 1952, pp. 345–385. (in Russ.)
17. Doneseniye D.S.S. Bakherakhta iz Tanzhera ot 30 marta 1905 g, No. 132 [D.S.S. Baherakht's report from Tangier dated March 30, 1905, No. 132]. In: *AVPRI*, F. 167 Embassy in Berlin, file 509/1, doc. 4632, sheet 10. (in Russ.)
18. Espagne et France. Accord secret relatif au Maroc, signe a Paris le 3 octobre 1904. In: *Digithèque de matériaux juridiques et politiques*. Available at: <https://mjp.univ-perp.fr/constit/ma1904.htm> (accessed: 12.09.2024).
19. Friedjung H. *Das Zeitalter des Imperialismus 1884–1914*. Berlin, Verlag Neufeld & Henius, 1919, 472 p.
20. *Deutsche Kolonialzeitung: Organ der Deutschen Kolonialgesellschaft*. 1911. 8 Juli, pp. 455–470.
21. Rostislavleva, N.V. Maks Veber v gody Pervoy mirovoy voyny, *Bulletin of the Russian State University for the Humanities*, 2017, No. 13 (135), pp. 136–145. (in Russ.)
22. Rorbakh, P. *Voyna i germanskaya politika*, preface prof. Kotlyarevskogo. Moscow, Izdaniye G.A. Lemana i S.I. Sakharova, 1915, 107 p. (in Russ.)
23. Vertrag zwischen Frankreich und dem Deutschen Reich vom 04.11.1911. In: *Archiv des Deutschen Kolonialrechts*, Brühl/Wesseling, 2008, pp. 227–228.
24. Kaiserlicher Erlass vom 03.10.1912. In: *Archiv des Deutschen Kolonialrechts*, Brühl/Wesseling, 2008, p. 379.

Филин Сергей Антонович, аспирант, кафедра всеобщей истории, Российский государственный гуманитарный университет, saf1998@rambler.ru

Sergey A. Filin, Post-graduate Student, World History Department, Russian State University for the Humanities, saf1998@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 06.09.2024. Принята к публикации 04.10.2024

The paper was submitted 06.09.2024. Accepted for publication 04.10.2024